

17 ОКТ 1978

На соискание Государственной премии РСФСР

ТАЛАНТ АКТЕРА

ЕСТЬ АКТЕРЫ, чья творческая жизнь с юношеских лет на наших глазах, вместе мы проживаем все жизненные рубежи, открывая в образах, созданных ими, всю сложность, противоречивость становления духовной зрелости. К числу таких актеров, несомненно, принадлежит и Василий Лановой.

Его заметили зрители с первого же фильма — «Аттестат зрелости», в котором он сыграл после окончания школы. До этого была лишь мечта стать актером и любимые занятия в театральном коллективе Дворца культуры ЗИЛА. В 1955 году Ланового приняли в театральное училище имени Щукина, а годом позже режиссеры Алов и Наумов пригласили его на главную роль в фильме «Павел Корчагин». Этот образ с детства был для него примером мужества, стойкости, душевной чистоты.

Исполнение роли Корчагина принесло молодому артисту широкую известность, любовь зрителей. Но, что важнее всего, именно эта роль помогла ему поверить в себя, увидеть внутренний стержень собственного творчества...

— Актер без гражданского пафоса неинтересен, — считает Лановой. — Сейчас никого не удивит чисто техническим мастерством. Нужно неустанно стремиться к тому, чтобы, создавая глубоко индивидуальный образ, не забывать при этом о его социальных корнях. Этому учил меня театр имени Вахтангова.

Вахтанговский принцип уни-

версальности актера, умение играть все — «от водевиля до трагедии» — как нельзя более отвечает творческому кредо Ланового-художника. Он играет Калафа в «Принцессе Турандот» и Протасова в «Детях солнца», Дон Гуана в «Каменном госте» и Маяковского в «Конармии». Опыт театральных работ помог ему и в кинематографе избавиться от затянувшегося «голубого периода». На смену ролям, в которых использовались зачастую внешние данные актера, пришли образы неизмеримо более сложные, требующие проникновения в душу героя, более масштабные и цельные. Поручик Яровой, Дзержинский, Иван Варавва — это уже работы зрелого мастера, несущие на себе отпечаток не только его актерского почерка, но и тонкого интеллекта, высокой гражданской ответственности.

Однако именно экран, а не театр принес ему такую громкую популярность. И все же...

— Любовью к кино я заражен с детства. И, похоже, на всю жизнь. Это как первая любовь. А театр — мой родной дом, без которого я не представляю своего существования, — отвечает Лановой на традиционный вопрос о работе в кино.

Если в фильме работа над

ролью кончается с последними отснятыми кадрами, то в театре каждая из них углубляется и растет вместе с артистом. Калафа в «Принцессе Турандот» Лановой играет вот уже пятнадцать лет, и если сначала в роли принца преобладало любовно-романтическое начало, то с годами все большая доля иронии сопутствует исполнению. Он уже видит своего героя как бы со стороны, глазами умного и насмешливого наблюдателя. Или роль Дона Гуана в «Каменном госте» и теперь обретает новые грани. Образ вероломного искусителя и безбожного развратителя в исполнении Ланового несет дух волюнтаризма, борца с предрассудками. Дон Гуан Ланового бросает вызов устоям церкви.

Одну из самых сложных своих ролей — Вронского в фильме «Анна Каренина» — Лановой жаждал сыграть углубленно, добиваясь всестороннего раскрытия образа. В начале съемок он говорил:

— Нельзя ограничиваться только темой любви, Вронский — это самый сложный социальный образ. Речь идет о социальной природе одного из центральных персонажей, — говорил Лановой, пытаясь в съемочной группе отстоять свою точку зрения.

Фильм не во всем удался. Критикой справедливо отмечались нарочитая изысканность художественной стилистики картины, излишний костюмно-декоративный акцент, который лишил ее социальной заостренности, оставив одну лишь грань образа Вронского — его любовь к Анне. Сейчас можно упрекнуть актера за своего рода компромисс, но неудача фильма в целом не должна затуманивать принципиальную позицию его в подходе к роли и его критической оценки случившегося.

Что касается театра, то, пожалуй, здесь одни из самых удачных и емких ролей Ланового — генерал Огнев в спектакле «Фронт» и Октавий Цезарь в трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра», за мастерское исполнение которых Василий Лановой выдвинут на соискание Государственной премии РСФСР.

В спектакле «Фронт» Лановой играет молодого талантливого командарма Огнева, воплотившего лучшие черты советских военачальников, принявших на себя всю полноту ответственности за поставленные перед ними сверхсложные задачи, за жизни вверенных им сотен тысяч бойцов. Осознание этой ответственности определяет характер и поступки Ог-

нева. Он не боится сказать в лицо Горлову, что тот бездарен в качестве командующего фронтом, по его вине гибнут солдаты.

Огнев, коммунист и гражданин, непоколебимо верит в свою правоту, ощущая себя частицей необоримой силы — советского народа. Поэтому он без колебаний вступает в конфликт с Горловым, этим «доморощенным стратегом», потеревающим голову от похвал. Огнев знает, что рискует многим: ведь еще очень силен авторитет Горлова в Ставке, там еще верят ему. Но от исхода этой схватки в конечном счете зависит боеспособность фронта, и Огнев до конца верен долгу коммуниста.

Образы Антония и Клеопатры занимают центральное место в построении трагедии Шекспира. Сравнительно менее полно обрисован в пьесе Цезарь, но именно в его характере — во многом ключ к пониманию основных героев.

Октавий в исполнении Ланового — человек, одержимый жаждой власти, способный ради нее на все. Упрямая походка, жесткий взгляд холодных глаз, резкая скупость движений — таким он предстает перед нами.

— Артист должен быть влюблен в персонаж или нена-

видеть его, — утверждает Лановой.

Ненависть к подобному типу людей, обнаженная беспощадность в раскрытии властолюбивой сущности правителя, поставившего себя вне критериев добра и справедливости, — вот его художественный подход к образу.

Герои Ланового неистовы в проявлении своей человеческой сущности. Неистово рвется к власти Октавий, неистов Протасов в своей всепоглощающей страсти, неистов генерал Огнев в борьбе с «горловщиной» и Дон Гуан — в дерзком вызове небу и земле. Точки приложения сил этих темпераментов разные, но в конечном счете за ними — личность артиста, вдохновенная и вместе с тем точная, даже в мельчайших деталях игра. Все это и сообщает зрителю тот эмоциональный импульс, который держит зрительный зал в напряжении до конца спектакля.

Не будем говорить, что этот актер сейчас в зените творческих сил, ибо процесс творчества не терпит превосходных степеней для своего определения. Вершины, даже самые высокие, — это все-таки покой, чуждый вечной неудовлетворенности художника. Вдохновение рождает творчество, труд делает его мастерским, неустанный поиск открывает все новые тайны прекрасного. Василий Лановой в пути, и зритель ждет открытий, достойных его вдохновенного, трудолюбивого, ищущего таланта.

С. ГОЛУБЕВ.